

Весенний
детектив

Весенний детектив

**Татьяна Гармаш-Роффе
Дарья Донцова
Анна и Сергей Литвиновы
Татьяна Полякова
Татьяна Устинова**

**а также:
Евгения и Антон Грановские
Анна Данилова
Анна Князева
Ксения Любимова
Алла Полянская
Галина Романова**

**ЭКСМО
Москва
2014**

УДК 82-3
ББК 84(2Рос-Рус)6-4
В 38

Разработка серийного оформления *Н. Никоновой*

В 38 **Весенний** детектив : сборник рассказов. — М. : Эксмо,
2014. — 320 с. — (Весенний детектив).

ISBN 978-5-699-70522-1

Весенним днем так приятно ощутить первое дыхание теплого ветерка! И пусть до настоящего тепла еще далеко, мы уже чувствуем весеннее настроение и вовсю готовимся к одному из самых приятных праздников в календаре — женскому дню 8 Марта! Самое время позаботиться о подарках для самых любимых женщин! Издательство «Эксмо» предлагает сборник «Весенний детектив», куда вошли рассказы признанных мастеров остросюжетной интриги — Дарьи Донцовой, Татьяны Устиновой, Татьяны Поляковой, Анны и Сергея Литвиновых, Татьяны Гармаш-Роффе, — а также восходящих звезд этого популярного жанра. Ведь книга — по-прежнему лучший подарок!

УДК 82-3
ББК 84(2Рос-Рус)6-4

ISBN 978-5-699-70522-1

© Оформление. ООО «Издательство
«Эксмо», 2014

Содержание

<u>Татьяна Гармаш-Роффе</u>	
Сказки Сиреневой долины	7
<u>Евгения и Антон Грановские</u>	
Незримый помощник	26
<u>Анна Данилова</u>	
Гример	61
<u>Дарья Донцова</u>	
Подарок для бабушки	94
<u>Анна Князева</u>	
В мертвом доме после полуночи	119
<u>Анна и Сергей Литвиновы</u>	
Последняя ночь в Риме	143
<u>Ксения Любимова</u>	
Родовое проклятье	176
<u>Татьяна Полякова</u>	
И жили они долго и счастливо...	205
<u>Алла Полянская</u>	
Смерть как улика	238
<u>Галина Романова</u>	
Кошка на окошке	273
<u>Татьяна Устинова</u>	
И весь мир в придачу	296

Татьяна Гармаш-Роффе

Сказки Сиреневой долины

Обожаю дни своего рождения. Обожаю месяц, в который родилась, — май. Он юн и великолепен, полон сил и обещаний счастья. Мне жаль людей, живущих в теплых странах: им не дана радость прихода весны, — ведь она едва отличается от зимы.

Некоторые говорят, что день рождения, как и Новый год, пустая формальность, которую мы сами наполняем смыслом. Так что с того! Хочешь, чтобы у тебя был праздник? Создай его. Никто не сделает это лучше, чем ты сам.

Лично я праздновала свой день рождения дважды: сначала с родителями дома, потом с друзьями (с тех пор, как они у меня появились) в каком-нибудь веселом месте. А с прошлого года я его праздную трижды. Третий — наедине с Сережей.

Сегодня мне двадцать пять. Мне нравится это число. Оно молодое, веселое, как май, но и как будто уже зрелое. Я нарочно так говорю: *как будто*, — потому что подозреваю: через пять лет буду чувствовать себя еще более умной и зрелой, а уж в сорок — представляете? А в семьдесят? Я стану такой мудрой, что страшно подумать!

Сережа попросил, чтобы сегодня я собрала всех у нас дома. Чтоб были и родители, и друзья. Он хочет получше со всеми познакомиться, сказал. Но я, честно говоря, подозреваю, что он собирается сделать мне предложение. Красиво и торжественно. Он тоже умеет устраивать праздники, мой Сережа, — себе и другим.

А пока у меня на голове тюрбан из полотенца — я только что вышла из душа и теперь навожу красоту перед

8 Татьяна Гармаш-Рофффе

зеркалом. Сегодня один из лучших дней моей жизни: мне двадцать пять и я счастлива.

...Нет, неправда. Я обманываю себя. День-то, конечно, один из лучших, но есть в моей жизни кое-что... Тайна, которая лишает радости, портит праздник. И с каждым годом, с каждым маем она мучает меня все больше...

Потому что это случилось тоже в день моего рождения, только семь лет назад.

* * *

— ...За твоё восемнадцатилетие, Анечка! — мама подняла бокал с шампанским. — Дорогая моя девочка, будь всегда такой здоровой и красивой, как сегодня! И чтобы больше никогда, никогда не случилось с тобой... — голос мамы дрогнул.

Вот и слезы полились.

— Я знаю, что ты хочешь сказать, мамочка, — я обняла ее, — давай просто за это чокнемся.

Мама хотела сказать: «Чтобы никогда больше не вернулась к тебе болезнь». И для такого пожелания имелась веская причина: ведь до одиннадцати с половиной лет я прожила с парализованными ногами. Кровать да инвалидное кресло были единственными территориями моего обитания. Двор, школа, улицы и парки, кафе и театры, магазины и многое другое, куда ежедневно и без всяких затруднений ходили нормальные люди, — все это было не для меня. Воздухом я дышала на балконе, — вывозить кресло-каталку из подъезда сущее мучение, и родители редко баловали меня настоящими прогулками. Я разнообразила, в отсутствие жизни физической, жизнь духовную: книги, музыка, кино. Компьютер, Интернет. Друзей у меня не было — я училась дома. Социальные сети тогда еще не захватили Интернет, хотя существовали какие-то форумы... Однако на них я тоже не общалась — с кем? Девчонки болтают там обо всем том, что мне недоступно.

И вдруг случилось чудо. Меня согласились положить в новую частную клинику, где работали израильские хирурги по новейшим методикам. Все отказывались от меня до сих пор, — а тут такой подарок! В этой клинике не только нашли причину паралича, но и сумели меня от него избавить! Я до сих пор с изумлением вспоминаю об этом. Настоящее чудо!

— Кстати, мам, пап, а как так вышло, что израильская клиника согласилась меня лечить? Она ведь частная, да? Значит, дорогая...

Маленькая, я не задумывалась об этом. Но восемнадцать лет — возраст серьезный, и я задумалась прямо за праздничным столом, с недопитым бокалом шампанского в руке.

— Денег ведь у нас никогда больших не было. Вы приняли иудейскую веру, и я попала по какой-то программе... не знаю, благотворительной? Или вы влезли в долги? Или, не знаю, грабанили банк? — засмеялась я.

Родители молча переглянулись. Лица их стали серьезными.

— Это что, секрет? — не выдержала я.

— Н-нет... Просто...

— Да что же?!

— Все так странно, Анечка... Мы получили деньги от кого-то... Нашли в почтовом ящике тридцать тысяч долларов в конверте. В нем была записка: «На лечение Ани». И указан адрес этой клиники. Но ни подписи, ни телефона или адреса нашего благодетеля.

— Ничего себе!!!

— Мы тогда тебе не сказали, потому что ты была маленькая, в деньгах ничего не понимала. И потом, боялись, если честно. Мало ли откуда эти деньги. Вдруг какие-нибудь левые...

— Левые деньги отмывают официально, — сказала я веско, со всем апломбом своего юного всезнайства. — Вкладывают в благотворительный фонд или в какую-то коммерцию, но так, чтобы видно было. Потому что эти деньги должны стать чистенькими и уже вполне законно лечь на счета, на «правые», и крутиться дальше.

И потом, тридцать тысяч — это много для нас. А для «левых» это не сумма!

«Всезнайство» мое и в самом деле было нетипичным для подростка: сказались годы, проведенные за чтением книг и статей. Даже после того как я начала ходить и учиться в обычной школе, свободное время отдавала самообразованию. Наверное, я по природе любознательна. Мне хочется больше знать о мире: только так можно почувствовать, какой он огромный. Есть мир обычный, в котором мы живем; есть тот, что виден лишь в телескоп или, наоборот, в микроскоп. Когда ощущаешь, как расширяются в твоем сознании границы мира, то будто и твоя душа становится больше, и дышишь глубже... Я интересовалась всем подряд: открытиями в астрономии, физике, медицине, компьютерными технологиями, статьями по экономике и политологии, и еще уймой всяких увлекательных вещей. Читала я так много, что знания сами по себе осели в мозгу.

— Возможно, — неуверенно согласился папа. — Хотя по тем временам это была очень большая сумма, у нас даже от нее немного осталось после твоей операции... Но теперь это не имеет значения. Деньги предназначались для твоего лечения, и мы тебя вылечили.

— Только до сих пор не знаем, кому спасибо сказать! — мама снова разрыдалась.

А меня вдруг словно электрическим разрядом пробило: *Фея!*

— Знаете, родители, а у меня ведь тоже был от вас секрет... И почему-то мне кажется, что оба секрета связаны. Когда мне было одиннадцать лет, ко мне прилетела Фея...

...Апрель перетекал в май, вокруг разгоралась весна. Желтые звездочки одуванчиков усеяли зазеленевшие газоны. Я всего лишь один раз в жизни держала в руках их нежные, шелковистые венчики — папа мне нарвал. Помню, испачкала нос в желтой пыльце, а

потом мы смеялись с родителями, когда они дали мне зеркальце.

Я сидела на балконе — «гуляла». То есть жадно втягивала ноздрями терпкие ароматы оттаявшей земли, пробившейся травы, набухших почек... И подставляла лицо уже жаркому солнцу, стараясь не смотреть во двор на весело бегающих и кричащих детей, — детей, у которых имелись ноги. Конечно, я завидовала и расстраивалась. Иной раз плакала. Хотя уже тогда понимала: не поможешь горю слезами. Надо учиться жить с этим. Вернее, без этого. Без того, что есть у всех. Без ног.

Некоторые дети знали, что я, инвалид, сижу на балконе и смотрю на них с завистью, и нарочно дразнили меня. Один мальчишка откровенно кривлялся под моим балконом, корча рожи. Остальные, наоборот, делали вид, что о моем существовании не подозревают, но играть они приходили именно под мой балкон, будто во дворе не было другого места. Они хотели, чтобы я видела их, завидовала и плакала. Они хотели, чтобы мне было больно... Им от этого становилось радостнее бегать, видимо. На здоровых ногах.

Я не заметила, каким образом на перилах балкона оказалась премилая куколка. Увидев ее, я оторопела. Она сидела на перилах — как сидят люди, согнув ноги. У нее были фиолетовые волосы, покрытые легкой сеточкой с блестками, и нарядное платье, белое с сиреневым узором на подоле, тоже с блестками. Размером она была немного больше Барби, только на спине — крылышки.

Сначала мне стало не по себе, даже страшно — в сказки я уже почти не верила, и появление этой куклы у меня на балконе восприняла подсознательно не как чудо, а с опаской, как чужое вторжение. Но куколка сидела мирно, улыбалась. Личико у нее было красивое и приветливое.

— Ты кто? — спросила я шепотом.

— Фея, — ответила она мне тоже шепотом.

12 Татьяна Гармаш-Роффе

Я не ожидала от куклы ответа и отпрянула.

— Не бойся, — шепнула она. — Я просто в гости. Ты не против?

Голос у нее был какой-то... Мультишный, что ли. Одновременно детский и хрипловатый, и еще будто она улыбалась, говоря со мной, хотя рот ее не двигался. Да и как он мог двигаться у куклы? Чего-чего, а уж кукол у меня имелось в изобилии... вместо подружек. И не было еще такого, чтобы кукла со мной говорила. Обычно за нее говорила я, изображая диалог.

Тем не менее тогда я не очень удивилась. Дети, как я понимаю теперь, живут в мире, где сказка существует в симбиозе с действительностью. Они уже знают, что сказки — вымысел, но все равно немножко в них верят.

Я покачала головой, — мол, не против.

— А ты правда фея?

— Разве я не похожа?

— Я не знаю, как выглядят феи. В разных книжках их рисуют по-разному. Но мне кажется, у тебя должен быть остроконечный колпак. Со звездочкой на конце.

— Ты же сама сказала, что феи везде разные. Я фея без колпака, — она тихо засмеялась. — Зато у меня маленькие звездочки на вуали, видишь?

— А можно мне тебя взять в руки? Чтобы получше рассмотреть?

— Нет, в руки — нельзя. Давай я сяду к тебе на колени, а ты просто приблизь глаза.

Фея вспорхнула и перелетела с перил на мои неподвижные колени, а я наклонилась к ней. У нее действительно были крошечные звездочки на сеточке, которую она называла вуалью.

— А как тебя зовут?

— Фея, так и зовут.

— А меня — Аня.

— Я знаю. Ведь я Фея.

— А волшебная палочка у тебя есть?

— Нет... — Грустно сказала Фея.

— Жалко, — вздохнула я. — Если б была, ты смогла бы вылечить мои ноги.

— Может, мне удастся ее вернуть. И тогда я помогу тебе.

— А как? — у меня загорелись глаза. — Кто у тебя ее отобрал? Расскажи!

— Это длинная история, Аня...

— Все равно расскажи! Мне ведь торопиться некуда...

— Хорошо. Но не за один день. Я буду навещать тебя и понемножку рассказывать... Только с одним условием: родителям ни слова!

Я не удивилась: ведь Карлсон, который живет на крыше, тоже просил Малыша не говорить родителям. Они, видимо, все так делают.

Рассказы Феи оказались невероятно увлекательны и немного печальны. Она открыла мне мир Сиреновой долины, — так называла его Фея, — который был похож на людской. Там тоже ссорились, мирились, дружили и предавали, влюблялись и расставались... Там волшебную палочку выдавали в награду за добрые дела, — а за проступки отнимали. Ничего не разрешалось сделать для себя с ее помощью, даже мороженое получить. Она предназначалась для серьезных вещей, и пользоваться ею ради собственной выгоды строжайше запрещалось! За всем следил главный Маг, и был он очень строг...

Надо же, а я мечтала (как, наверное, все дети) получить ее как-нибудь, взмахнуть и попросить для «собственной выгоды»... Не мороженое, конечно, а чтобы ноги начали ходить.

Мир, который разворачивался передо мной в рассказах Феи, оказался ничуть не проще и не радужнее мира людей. Несмотря на то что у нее имелись не только ножки, но еще два крылышка и моторчик, который тихо жужжал, когда она летала, — она была тоже несчастна. Она рассказала мне историю, как коварная подружка выкрала у нее волшебную палочку и попросила себе много вкусных вещей и нарядных платьев, — а потом

все свалила на мою Фею. Ее лишили палочки и наказали. Поэтому Фея не может мне пока помочь с ногами...

Это стало для меня потрясением. И, пожалуй (не смотря на долю разочарования), со знаком плюс: я стала чувствовать себя не такой уж обделенной, как раньше. Возможность ходить (и даже летать), поняла я, еще не гарантирует счастья. Иной раз, слушая рассказы о Сиреневой долине, я жалела свою маленькую подружку-фею больше, чем себя. И постепенно моя печаль, мое одиночество будто уменьшились в размерах, перестали быть исключительными...

На день рождения она подарила мне крохотный флакон из цветного стекла, невероятно красивый, с цветочным нектаром из Сиреневой долины. А я на ее день рождения, в июне, сшила остроконечный колпак из плотной бумаги, покрасила его серебряной краской, прикрепила крохотную звездочку к концу, а снизу продела тонкую резинку, чтобы колпак держался на головке Феи. Ох, как она была рада! Она даже полетала немножко вокруг меня, расправив крылышки и жужжа моторчиком, а потом попросила зеркальце и долго любовалась собой, поворачивая головку вправо-влево...

Иногда Фея расспрашивала меня про болезнь. Я ей рассказывала все — у меня не было секретов от моей волшебной подружки. А однажды она попросила меня дать ей рентгеновский снимок моих ног. В Сиреневой долине есть свой врач-эльф, сказала Фея. Он посмотрит на снимок и что-нибудь дельное посоветует, потому что он очень-очень хороший врач!

Я проделала на снимке дырочку и прицепила его булавкой к поясу ее платья. Через три дня Фея его вернула, и я положила снимок на место. Родители ничего не заметили.

— Наш врач-эльф сказал, что твою болезнь можно вылечить, Аня. Проблема только в том, что ты не можешь попасть в Сиреневую долину. Надо найти здесь,

в Москве, такого специалиста, который умеет лечить по-эльфийски...

— А как его найти? Надо маму с папой попросить, чтобы...

— Не надо, — строго перебила меня Фея. — Мы ведь договорились, что это секрет! Я сама поищу такого.

Она прилетала ко мне всю весну и все лето. А в начале осени родители объявили, что мы едем к врачу. Очень хорошему врачу, который, наверное, сможет мне помочь. Фея очень обрадовалась за меня.

— Расскажи ему все, что рассказывала мне. Это очень важно, ничего не упусти!

— Это ты помогла, да? Ты его нашла?

Фея молчала.

— Ну признайся!

— Ну, я немножко поколдовала... — смущенно призналась она.

— Тебе вернули волшебную палочку?!

— Нет еще... Просто мы все, обитатели Сиреновой долины, можем немножко колдовать даже без нее. Ну, чуть-чуть.

— Как жалко, что с тобой нельзя обняться... — Я поцеловала свой мизинчик и приложила его к щечке Феи. — Мама говорит, что мне предстоит операция...

— Ты боишься?

Я помотала головой. Я действительно не боялась, — я хотела, чтобы мои ноги начали ходить. Я бы все отдала за это, даже боль вытерпела бы.

— Завтра перед поездкой в больницу открой бутылочку с нектаром и выпей его.

Я так и сделала следующим утром. Настроение у меня стало совсем хорошим, и в больницу я приехала с чувством абсолютной уверенности, что выйду из нее на своих ногах.

В клинике я провела неделю. Вышла я не на своих ногах, но они уже стали двигаться! Мне предстоял долгий путь восстановления атрофированных мышц